

УДК 82

ИСТОРИЯ БЛУДНОГО СЫНА КАК МЕТАСЮЖЕТ ЛИРИКИ В. БРЮСОВА

© 2013 г.

Н.Г. Матвеевская

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

nmatveevskaja@rambler.ru

Поступила в редакцию 10.10.2012

Исследуется образ блудного сына в лирике В. Брюсова. Мотивы ухода и возвращения рассматриваются как образующие лирический метасюжет, связанный с евангельской притчей о блудном сыне.

Ключевые слова: Брюсов, лирика, лирический герой, метасюжет, блудный сын.

В 1907 г. в беседе с М. Волошиным Брюсов признавался: «Совершенно закрыт для меня мир Библии. Из этой области я не написал ни одного стихотворения» [1, с. 286–287]. Возможно, Волошин не вполне верно передал слова поэта. (Кстати, эта публикация в газете «Русь» вызвала недовольство Брюсова, который в письме в редакцию заметил, что «интервьюеру следовало быть более точным в передаче чужих слов»). Возможно и то, что мэтр символистов в это время был сосредоточен на других темах. Так или иначе, доверять этой фразе о чуждости Библии не стоит. Брюсов и до 1907 г., и потом создавал «библейские» произведения, причем практически все они стали его программными текстами: «Моисей» (1900), «Блудный сын» (1902–1903), «В ответ» (1902), «Сеятель» (1907), «Зерно» (1909), «Крестная смерть» (1911), «Библия» (1918).

Для нас существенно, однако, не столько само по себе обращение к этой тематике, сколько осмысление поэтом-символистом важнейших христианских символов. Один из них – история блудного сына – разворачивается в брюсовской лирике так широко и с таким постоянством, что можно говорить о своеобразном метасюжете, связанном с притчей Христа о блудном сыне. Одноименное стихотворение Брюсова может восприниматься как семантический центр, в орбиту которого втягиваются многие другие произведения с близкими (смежными) мотивами.

Под метасюжетом мы будем понимать устойчивое развитие поэтической мысли, лирического переживания, истоком которого является важная грань лирического сознания поэта, его мироощущения, его личностного самоопределения. Метасюжет – магистральная смысловая линия в лирике. Лирический метасюжет коренится в мифе, как понимал его А. Лосев

(«умно-энергичный лик личности»), а выражение находит в тех образно-смысловых сцеплениях, которые, по мысли В.А. Грехнева, дают «основание говорить о большом контексте лирического творчества» [2, с. 3].

Вспомним евангельскую историю: уход и возвращение – два ключевых эпизода в жизни блудного сына. Причиной ухода становятся возросшая самость, желание независимости, жажда «большой» жизни. Причиной возвращения – страшная нужда, совершенное одиночество, ощущение близкой гибели. Возвращение оказывается возможным лишь благодаря смирению, чувству своего недостойнства, покаянию. Евангельская притча диалектична: полнота слияния с Отчей радостью была бы, вероятно, недоступна для блудного сына без опыта самостоятельной жизни, вне ужасающей очевидности одинокой смерти.

Таким образом, уход – не только проявление греховности падшего существа, но и свидетельство свободы, неразлучной с человеческой природой. Уход – не только дорога, уводящая от Отца, но и путь к себе, поиски своего места в мироздании.

Брюсовская лирика, если оценивать её как вариант вечного сюжета, демонстрирует, пожалуй, преобладание мотива ухода. Эта ситуация просматривается во множестве стихотворений, где в центре мысль о могуществе личности и о некоем бесконечном движении, направленном на покорение мира. Многообразие сущего завораживает лирического героя, ему нужно познать и пережить как можно больше. Отсюда – поклонение «богу жажды и мечты», отсюда возглас – «хочу всего».

В известный момент это радостное движение навстречу тайнам бытия грозит перерасти в круговое. Здесь необходимо должна была воз-

никнуть мысль о его границах, мысль о цели. Брюсовское лирическое сознание нередко останавливается перед загадкой возвращения, словно не в силах сделать последний шаг – поверить в Отца, Отцу. (Ср. «Зерно» и «Крестную смерть»). Однако многие произведения указывают на то, что попытки приближения к вере поэт все же предпринимал.

Поскольку нас ограничивают рамки статьи, обратимся к циклу «Вступления» (сборник «УО», 1901–1903), чтобы раскрыть заявленную тему. Стихотворение «Блудный сын» помещено автором в этот цикл. Как нам кажется, во «Вступлениях» явлена история блудного сына, взрослеющего в разлуке с Отцом.

В цикл входит двенадцать стихотворений, и все они без исключения отмечены идеей пути. Каждое стихотворение «сюжетно», что внешне отграничивает его от остальных. Но лирические ситуации разных текстов скрепляются символами, внутренне связанными и словно бы перетекающими один в другой. Композиционно цикл разделяется на две составляющие. Первая включает восемь произведений (до «Нити Ариадны»). Вторая часть – оставшиеся четыре стихотворения: «Нить Ариадны», «Блудный сын», «У земли», «В ответ».

В первой, более объемной части цикла доминирует мотив ухода, побега, бегства, постоянного движения к ещё непознанному. Этот мотив питается ощущением безмерности, неисчерпаемости возможных открытий. Обретенное знание теряет для лирического героя свою ценность, превращаясь в застывший опыт. Это бремя, от которого нужно избавиться. Поэтому необходимо оставить достигнутое позади и устремиться к новому.

Довольно, довольно! я вас покидаю!

берите и сны и слова!

Я к новому раю спешу, убегаю,

мечта неизменно жива!..

(«По улицам узким...»)

Я разных ратей был союзник,

Носил чужие знамена,

И вот опять, как алчный узник,

Смотрю на волю из окна.

(«Последнее желанье»)

И я – в слезах, что снова, снова

Душе открылся мир другой,

Бегу от пышного алькова,

Безумный, вольный и нагой.

(«Побег»)

Неуголимая жажда новизны лирического субъекта, конечно, отражение мирочувствия самого автора. Окончив работу над сборником

«УО», Брюсов писал Л. Вилькиной (1903): «... И опять, как это бывало каждый раз, чувствую я, что всё это, всё – стало для меня прошлым и ненужным. Есть особое чувство перепутья, чувство границы. С закрытыми глазами ощущаешь блеск пересекающихся дорог и невидимую линию, разделяющую два мира, и вдыхаешь воздух полей, на которые еще не ступал раньше. Приходят минуты этого ощущения, совершенно не сходного ни с каким другим, и знаешь, что нечто в жизни кончено и началось что-то иное». [3, с. 749].

«Алчный узник» и беглец, мечтатель, «искатель» – брюсовский герой стремится постичь жизнь в её вечно меняющихся обличьях. И сам он становится носителем идеи непостоянства, изменчивости: «Случайный гость в толпе любой» («Мечтание»).

Я старый пепел не тревожу, –

Здесь был огонь и вот остыл.

Как змей на сброшенную кожу,

Смотрю на то, чем прежде был...

(«У себя»)

Центральная проблема «Вступлений» – свобода героя. Автор пытается разрешить её всем ходом лирического сюжета. В первой части цикла свобода как бы лишена содержания, так как нет той грани, относительно которой она могла бы быть определена. Лирический герой, претендующий на абсолютную свободу, становится невольником собственной жажды («алчный узник»). Нескончаемое бегство от достигнутого, поиски невозможного («немыслимого знания») обращаются, по сути, в бегство от самого себя. Оптимистический пафос первой части «Вступлений» подвергнут авторскому сомнению уже в начале, в стихотворении «Лестница». Символ восхождения выглядит здесь как дорога в никуда («давно ушло начало, в безбрежности края»). Это вносит трагическую ноту в общее настроение торжества, жадного пиршества бытия.

Не случайно Б. Эйхенбаум в рецензии 1915 г. утверждал, что «муза Брюсова – трагическая»: «обрученный с ней поэт вступает в заколдованный круг трансцендентности, из которого нет выхода». Обосновывая эту мысль, рецензент опирается именно на образы «Вступлений». «Пафос Брюсова, – пишет Эйхенбаум, – в том, что он любит «немыслимое знание», что он – «алчный узник», который на волю смотрит из окна своей тюрьмы. Можно сказать, что поэзия Брюсова явилась плодом гносеологического отчаяния – так сознательна она в своем пафосе, так часто восходит она к философии. <...> Брюсов – поэт, но он не пророк. Он – узник,

он – обреченный, ему не оторваться от ступеней лестницы, не подняться на крыльях». [1, с. 414].

Личность, так настойчиво стремящаяся навстречу миру, не сохраняет от соприкосновения с ним никаких привязанностей. «Побег» всякий раз совершается в одиночестве, желанном для лирического героя («Иду! иду! со мной – никто!»).

*О, неужели день придет,
И я в слезах и умиленьи
Увижу этот небосвод
Как верный круг уединенья.*

*Пойду в поля, пойду в леса
И буду там везде один я,
И будут только небеса
Друзьями счастья и унынья!*

(«Мечтание»)

Одиночество амбивалентно: его можно трактовать и как знак эгоцентризма лирического субъекта, и как своего рода аскезу – отказ от общения во имя встречи с вечностью. В «Искателе» возникает мотив крайней удаленности от людей («Пришел я в крайние пустыни,/ Брожу в лесах, где нет путей...»). В художественном пространстве этого текста противопоставляются образы леса и моря. Возможно, символ леса заключает в себе мысль о человеческой жизни, с её заблуждениями, соблазнами, «отравками». Море же символизирует вечность, сияющую совершенством, почти недоступную.

*... А может, верен путь, и вскоре
Настанет невозможный час,
И минет лес – глянет море
В глаза мне миллионом глаз.*

Образы «небес» (ср. «Мечтание») и моря в русле романтической традиции намекают на высший план бытия, скрытый за множеством переменчивых обличий.

Со стихотворения «Нить Ариадны», как было сказано, начинается вторая часть цикла. Здесь на первый план выходит мотив возвращения, сопряженный с мотивом подвижничества и строгого самоотчета. Нить Ариадны обрывается в мрачном лабиринте: «в бездонном мраке нет дорог». Пред нами совершенно новая лирическая ситуация. До сих пор «искатель» не встречал препятствий на своем пути. В лабиринте, который запер его в своих недрах, он вынужден остановиться и задуматься. Звучит вопрос самопостижения:

*Каким путем нить Ариадны
Меня до бездны довела?*

Быть может, ответ содержится в предыдущих стихотворениях? Лабиринт, символизирующий заблуждение, духовный тупик, вырастает

из нескончаемого движения по кругу, в котором за обретением тотчас следует побег. («Я к новому раю спешу, убегаю...»). «Новый рай» оказался иллюзией. Вместо сияющего моря – подземная тьма. Лабиринт, однако, таит в себе «святые тайны», которые не могут быть открыты случайному пришельцу. Герою необходимо совершить «трудный подвиг»: он и поможет вернуться к «солнцу и свободе».

*Я, путешественник случайный,
На подвиг трудный обречен...*

(Идея «подвига трудного», как мы увидим, завершит лирический сюжет «Вступлений»).

Блуждание по лабиринту закономерно приводит к образу блудного сына в следующем, одноименном произведении. Если лабиринт заставляет лирического героя остановиться, то в «Блудном сыне» начинается его путь в совершенно ином направлении – не вовне, не к освоению всё новых и новых форм внешнего бытия, а путь обратный – к осмыслению обретенного опыта, к переоценке собственного «я». Сила, дерзость, свобода, молодость («Я счастлив и силен, свободен и молод...») – все эти ценности растратчены.

*... расточив свои богатства
И кубки всех отрав испив,
Как вор, свершивший святотатство,
Бежал я в мир лесов и нив.*

Это уже не бегство от себя. Герой бежит из «дальней страны» «в мир лесов и нив», чтобы в одиночестве отдать себе во всем отчет и залечить душевные раны. «Блудный сын» свидетельствует о начале процесса метанойи. В свете религиозного опыта метанойя – не просто покаяние, но перерождение, «перемена намерений», изменение самого экзистенциального и онтологического статуса личности.

В стихотворении «Блудный сын» нет образа Отца, нет и диалога с Ним, и обращения к Нему. Но знаменательно обращение лирического субъекта к собственной совести. Он понимает, что, познав многое («я видел все, всего достиг»), потерял «святыню чувств», которая питала его жизненные силы, – наследство, полученное в Отчем доме.

Стихотворение о блудном сыне дает возможность понять, откуда и с чем уходил «искатель». Коснемся, однако, сначала другого произведения – «Отрады», созданного двумя годами раньше и вошедшего в сборник «Третья стража» («ТВ», 1900). «Отрады» – это молитвенный монолог, прославляющий радости, данные Творцом: «радость в сознании жить», творчество, любовь, веру в бессмертие («радость предчувствий, знать, что за смертью есть мир бытия»). Именно этот монолог, пожалуй, яснее

всего обозначает «отправную точку» путешествия брюсовского лирического героя.

*Радостей в мире таинственно много,
Сладостна жизнь от конца до конца.
Эти восторги – предвестие Бога,
Это – молитва на лоне Отца.*

«Я уходил, исполнен веры,/ Как лучник опытный на лов,/ Мне снились тирские гетеры/ И сонм сидонских мудрецов», – говорит герой в «Блудном сыне». Нетрудно заметить: первоначальное светлое мировосприятие затемнено. Вера уходящего блудного сына – не в Отца, а в себя, уверенность в собственных силах. Она вроде бы себя оправдала, но истощила душу.

Возвращение представляется лирическому герою недостижимым («и вдруг таким недостижимым представился мне дом родной»). Блудный сын, оставшийся наедине с собой, сознает невозможность вернуть чистоту детства и мечтает сбросить бремя пережитого.

*О, если б было вновь возможно
На мир лицом к лицу взглянуть
И безраздумно, бестревожно
В мгновеньях жизни потонуть!*

Последние строки отражают инфантильное сознание: «самость» не выдержала испытания, и потому проще раствориться в «мгновеньях», чем искать дорогу в родной дом. «Подвиг трудный» – подвиг духовного преображения не дается лирическому субъекту.

В черновой рукописной редакции «Блудного сына» находим другой вариант финала:

*И понял я, что этот пламень
Погас, что силы не вернуть,
И, нищий, пал на голый камень,
Не смея продолжать свой путь.*

Здесь рефлексия лирического героя обнажает несколько иное состояние – переживания бессилия, нищеты духа, смирения («не смея»).

Следующее стихотворение «У земли» с лермонтовским эпиграфом «Я б хотел забыться и заснуть» являет собой обращение-молитву не к Отцу, а к матери-сырой земле. Это мольба о покое усталой души. Стихотворение как бы продолжает мысль о «бестревожном» предыдущего текста.

*Помоги мне, мать-земля!
С тишиной меня сосватай!
<...>*

*Где ты дева-тишина,
Жизнь без жажды и без думы?..*

Но проблема «исканий» – примета неземного в земном человеке – по-прежнему тревожит лирического героя, хотя он признает себя сыном земли:

*Я – твой сын, я тоже – прах,
Я, как ты, – звено созданий.*

*Так откуда страсть, и страх,
И бессонный бред исканий?*

В финальном произведении «В ответ» «искания» приобретают особую направленность. Стихотворение «У земли» завершается вопросом: «Или ты, в ответ мольбе,/ Обручишь меня – с могилой?» Заключительный текст звучит, кажется, именно «в ответ мольбе». Но ответ дает не земля, а суровый, обуздавший себя человеческий дух: блудный сын, чтобы вернуть растраченное, должен стать «пахарем терпеливым». Обычно в образах этого стихотворения видят подтверждение брюсовского «сальеризма» (вспомним хотя бы статью М. Цветаевой «Герой труда»). Часто цитируются строки:

*Вперед, мечта, мой верный вол!
Неволей, если не охотой!
Я близ тебя, мой кнут тяжел,
Я сам тружусь, и ты работай!*

Но в контексте цикла эти строки и всё произведение в целом имеют иной смысл. Здесь явно ощущим пафос подвижничества, тяжелого духовного труда на пути к «высшему». Лирический герой обретает мужество и чувство ответственности за то, что он делает на земле. Ответственности перед Отцом, имя Которого скрыто за местоимениями «Он», «Другой»:

*Нам кем-то высиим подвиг дан,
И спросит властно Он отчета.
Трудись, пока не лег туман,
Смотри: лишь начата работа!*

*А в час, когда нам темнота
Закроет все пределы круга,
Не я, а тот, Другой, мечта,
Сам отрешит тебя от плуга.*

В рукописи первой редакции «В ответ» имел эпиграф из пушкинского произведения «Родриг» («Скоро... отрешит волов от плуга на последней борозде»). В дальнейшем пушкинские строки вошли в текст как скрытая цитата, а стихотворению автор предпослал другой эпиграф – из «Труженика» А.С. Хомякова («Довольно, пахарь терпеливый, я плуг тяжелый свой водил»). Опора на стихотворение Хомякова была значительной. Нельзя не заметить образно-семантических параллелей двух лирических сюжетов: преодоление героями человеческой слабости и утомления, осознание и принятие вышней воли, тяжелый труд, исключаящий саму мысль об отдыхе. Этому труду отдается вся жизнь. И труженик Хомякова, и лирический герой Брюсова не сеют, а лишь готовят ниву для будущего сева.

Различие, конечно, также очевидно: стихотворение Хомякова проникнуто идеей религи-

Хомяков

Стереть бы пот дневного зноя!
 Стряхнуть бы груз дневных забот!..
 «Безумец, нет тебе покоя,
 Нет отдыха: вперед, вперед!
 Взгляни на ниву: пашни много,
 А дня не много впереди.
 Вставай же, раб ленивый Бога!
 Господь велит: иди, иди!..»
 <...>
 Иду свершать в труде и поте,
 Удел, назначенный Тобой...

Брюсов

Вперед, мечта, мой верный вол!..
 <...>
 Нельзя нам мига отдохнуть,
 Взрывавай земли сухие глыбы!
 Недолог день, но длинен путь,
 Веди, веди свои изгибы!
 <...>
 Нам кем-то высшим подвиг дан...

озного, почти апостольского служения Все-вышнему; Брюсов прежде всего говорит о творческой самоотдаче. Труженик Хомякова слышит голос Бога; «пахарь» Брюсова одинок – Бог остается для него запредельной сущностью: «пустынен кругозор полей». Тем не менее и православный поэт-славянофил, и далекий от церкви поэт-символист побуждают вспоминать Евангелие, евангельские символические образы плуга, нивы, жатвы, притчу о сеятеле.

«...Ещё другой сказал: я пойду за Тобою, Господи! но прежде позволь мне проститься с домашними моими.

Но Иисус сказал ему: никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия» (Лука: 9; 61–62).

«И сказал им (ученикам): жатвы много, а делателей мало; итак, молитесь Господина жатвы, чтобы выслал делателей на жатву Свою» (Лука: 10; 2).

«Вышел сеятель сеять семя свое <...> Сеятель слово сеет» (Марк: 4; 1–20).

Было бы ошибкой полагать, что духовная эволюция лирического героя в цикле «Вступления» совпадает с эволюцией В. Брюсова как человека и художника. В его поэзии параллельно развиваются, дополняя друг друга, две смысловые линии вечного мифа об уходе и возвращении. На одном полюсе брюсовского творчества – образ самодовлеющей личности, на другом – образ человека, который, чувствуя недостаточность личных усилий, задает вопрос об Источнике внутренних потенциалов каждого человеческого «я». Этот аспект лирического сознания поэта нуждается в дальнейшей разработке. Так, перспективным нам видится анализ брюсовских стихотворений-молитв, кажется, ещё совершенно неизученных.

Список литературы

1. Ашукин Н.С., Щербаков Р.Л. Брюсов. ЖЗЛ. М.: Молодая гвардия, 2006. 689 с.
2. Грехнев В.А. Слово и большой лирический контекст в поэзии пушкинской поры (Жуковский, Тютчев) // А.С. Пушкин. Статьи и материалы. Горький, 1971. С. 3–25.
3. Брюсов В.Я. Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1961. 750 с.

THE HISTORY OF THE PRODIGAL SON AS A METAPLOT OF BRYUSOV'S LYRIC POETRY

N.G. Matveevskaya

We study the image of the prodigal son in Bryusov's lyric poetry. The motives of departure and return are considered as forming a lyrical metaplot associated with the Gospel parable of the prodigal son.

Keywords: Bryusov, lyrics, persona, metaplot, prodigal son.